

В Храме Сюаньду не понимали Цзи Чанщэна.

Цзи Чанщэн - очень неуверенный в себе человек.

Потому что у него действительно было тяжелое время.

В его прошлой жизни он установил свой разум для неба и земли, установил свою судьбу для людей, передал свои уникальные знания для святых и создал мир для всех поколений... По человеческим меркам, он был принят в конец вселенной. Он только что проработал два года, потому что должны были произойти события, и он красив. Он уже был на пути стать зятем заместителя городского старейшины своего города, но вдруг все рухнуло.

Цзи Чанщэн полагался на свою суперадаптивность, чтобы не обрушиться в этой ситуации. Он все еще пытался думать, жениться ли ему на богатой женщине в качестве зятя или сдавать императорские экзамены, когда попал в этот мир.

В результате был еще один щелчок, и прибыл Сектор Демонов.

Его поймали в Секте Демонов.

Цзи Чанщэн провел почти год, убивая этих врагов, и успешно закрепился в Секте Демонов.

Затем его отправили в Храм Сюаньду...

Хотя Цзи Чанщэну еще нет тридцати лет, у него богатый жизненный опыт.

Жизнь всегда дает ему надежду, но вскоре после того, как он ее обретает, все разрушается.

Столкнувшись с уроками крови и слез в прошлом, Цзи Чанщэну было трудно чувствовать себя в безопасности.

Особенно сейчас, когда он находится в опасности быть разоблаченным в Храме Сюаньду, и старшая сестра Ли Чанси имеет психические проблемы.

А семья Бай снова проявляет к нему враждебность.

"Даже если я хочу отпустить семью Бай, семья Бай меня непустит".

"Очевидно, что жизнь Бай Гуанлиня была распланирована семьей Бай. Если я, простой человек без фона, буду преграждать путь Бай Гуанлиню, семья Бай определенно приложит все усилия, чтобы устранить меня и расчистить препятствия для Бай Гуанлиня."

"Поэтому я был вынужден нанести первый удар".

Цзи Чанцэн верил, что его логика безупречна.

На самом деле ему с трудом удастся дожить до сегодняшнего дня.

Тот, кто хочет убить его, должен убить.

Поэтому Цзи Чанцэн быстро перешел в режим казни.

Убивать людей в Храме Сюаньду гораздо менее удобно, чем в Секте Тяньмо. В конце концов, Храм Сюаньду - это праведный орден бессмертных. В большинстве случаев ученикам строго запрещено вести частные бои внутри секты, не говоря уже об убийстве людей.

Но он все равно решил действовать.

Всегда есть больше решений, чем трудностей.

Цзи Чанцэн отказался от дальнейшего руководства Ли Чанси и вышел из Лунного Дворца.

Вскоре после того, как он вышел, Цзи Чанцэн увидел, как группа людей идет к нему.

Ли Даоян и Ин Хунье быстро подошли к его стороне. Ли Даоян прошептал: "Чанцэн, будь осторожен. Человек в белой одежде - это Бай Гуанлинь. Боюсь, он пришел, чтобы доставить тебе неприятности".

Ин Хунье также сказала: "Не вступай с ним в прямой конфликт".

Цзи Чанцэн понял, что то, что только что произошло, распространилось по всему Храму Сюаньду.

Действительно нет секретов.

Это не удивительно.

Цзи Чанцэн бросил взгляд на Бай Гуанлиня, который возглавлял группу в белых одеждах, и глубоко запомнил его фигуру и внешность.

Одновременно он также запомнил группу людей, окружающих Бай Гуанлиня.

Вопреки предположению Ли Даояна, Бай Гуанлинь пришел сюда вовсе не для того, чтобы доставлять неприятности, а для того, чтобы извиниться.

"Младший господин дядя, здесь просто произошло некоторое недоразумение. Узнав об этом, я мучился душой, поэтому пришел сюда, чтобы принести извинения Младшему господину дяде. Мои заслуги были признаны Башней Заслуг Сюаньхуан, и я определенно не являюсь членом Секты Демонов, это был мой кузен, который неправильно понял."

Бай Гуанлинь первым заговорил. Прежде чем Цзи Чанцэн успел что-то сказать, Бай Гуанлинь поклонился до земли, показывая свою полную искренность.

Сердце Цзи Чанцэна слегка дрогнуло.

Если бы Бай Гуанлинь пришел, чтобы доставить ему неприятности, он был бы более расслаблен.

Он действительно пришел извиниться.

Если собака, которая кусает, не лает, эту собаку нужно убить как можно скорее, иначе она может стать проблемой в будущем.

Цзи Чанцэн ничего не сказал, но посмотрел на Бай Гуанлиня, который салютовал, и его глаза постепенно становились серьезными.

В это время последователи Бай Гуанлиня все заговорили:

"Мистер Бай действительно слишком вежлив".

"Цзи Чанцэн, мистер Бай уже извинился, почему бы тебе не принять извинения?"

"Старейшина Бай умер, а мистер Бай даже пришел сюда извиниться. Увы, линия Яогуан действительно высокомерна и деспотична".

На лице Цзи Чанцэна появилось саркастическое выражение, но в душе он немного успокоился.

Очень хорошо.

Он был бы еще больше обеспокоен, если бы эта группа последователей не присоединилась.

Благодаря этим одобрениям угроза со стороны Бай Гуанлиня и этой группы последователей

значительно снижается.

Собаки, которые кусают людей, на самом деле не представляют большой угрозы.

То, что еще больше успокоило Цзи Чанцэна, было следующим сообщением, которое он услышал:

"Цзи Чанцэн оскорбил нашу семью Бай. Отныне тебе будет трудно наблюдать за командирами в Сюаньду, и Ли Чанси не сможет тебя защитить".

В этот момент Бай Гуанлинь поднял голову и посмотрел на Цзи Чанцэна.

В его глазах был нож, в его устах - меч, а в его сердце - ненависть!

Цзи Чанцэн улыбнулся.

В конце концов, он все еще слишком молод.

Ты не можешь на самом деле сделать то, что говоришь, и вжиться в драму.

Позвольте мне научить вас, что такое настоящий актер.

На глазах у ошеломленного Бай Гуанлиня Цзи Чанцэн внезапно выплюнул кровь, его лицо стало золотистым, как бумага, и он отлетел назад, его аура сильно ослабла.

В то же время, полный потрясения и гнева голос Цзи Чанцэна разнесся вокруг: "Бай Гуанлинь, так ли ты извиняешься?"

Бай Гуанлинь был немедленно ошеломлен.

Как самый талантливый наследник этого поколения семьи Бай, и что еще важнее, как младший сын Феи Лин Луна, Бай Гуанлинь с рождения был любимцем небес.

Все его поддерживали.

А то, что он делал на поверхности, было безупречно, он хорошо обращался со всеми.

Это заставляет Бай Гуанлиня всегда верить, что мир вращается вокруг него.

Но Цзи Чанцэн преподавал ему яркий урок.

За более чем двадцать лет жизни Бай Гуанлинь никогда не видел такой сцены.

Бросив рассеянный взгляд на собственные руки, а затем на Цзи Чанцэна, трясущегося и выплевывающего кровь, Бай Гуанлинь наконец отреагировал, его тело полностью наполнилось гневом: "Я этого не делал!"

Никто ему не поверил.

Даже последователи, которых привел с собой Бай Гуанлинь, ему не поверили.

Ли Даоян даже прямо насмеялся: "Бай Гуанлинь, ты, настоящий мужчина, смеешь ли ты действовать или нет, это действительно соответствует стилю такого лицемера, как ты."

Ин Хунье также с сарказмом сказала: "На виду одно, а за кулисами - другое. Бай Гуанлинь, жаль, что ты не спускаешься с гор, чтобы играть".

Бай Гуанлинь злобно рассмеялся: "Я действительно этого не делал, это Цзи Чанцэн притворялся."

Ли Даоян громко рассмеялся: "Бай Гуанлинь, ты думаешь, что я глупый? Как же Чанцэн мог ударить себя самого?"

Бай Гуанлинь: "..."

Он ненавидит это.

Последователи переглянулись, не зная, что сказать в этой ситуации.

Потому что они тоже думали, что это сделал Бай Гуанлинь.

Если это был не Бай Гуанлинь, то это были охранники вокруг Бай Гуанлиня, которые это сделали.